

Заозерский Н. А. [Рец. на:] *Арсеній [Стадницкій], архіеп.*
Новгородскій. На духовной страде: Слова и речи. СПб., 1914.
Т. 1 // Богословскій вестник 1914. Т. 1. № 2. С. 383—389 (2-я пагин.).

К Р И Т И К А .

I.

Арсеній Архіепіскопъ Новгородскій: На духовной страдѣ. Слова и рѣчи. Т. I.
СПБ. 1914.

Книга представляет собою то характерное явленіе въ нашей литературѣ этого рода, что высокопреосвященный авторъ выступаетъ въ ней не столько учителемъ отвлеченныхъ истинъ догматики и морали, сколько общественнымъ дѣятелемъ въ сферѣ церковной и политической, какъ неумоимо дѣятельный архипастырь и членъ Государственнаго Совѣта. Гдѣ бы ни выступалъ онъ съ своимъ словомъ, главнымъ мотивомъ для него служить всюду наблюдаемое имъ печальное явленіе — *малодѣятельности православія, какъ основы жизни*. „Недостатокъ богопознанія составляетъ—по словамъ автора—одно изъ величайшихъ несчастій нашего времени. Наши православные мало знаютъ свою вѣру, а многіе изъ принадлежащихъ къ званію христіанскому и не считаютъ для себя необходимымъ знать, какъ слѣдуетъ, ученіе своей вѣры, законы и постановленія церкви, къ которой принадлежатъ... и это приходится сказать не только о простецахъ, но и о считающихъ себя образованными, которые, будучи свѣдущими въ разныхъ наукахъ, обнаруживаютъ въ дѣлѣ вѣры поразительное невѣдѣніе“¹⁾. Этотъ главный мотивъ опредѣляетъ и основную идею его проповѣднической и ораторской дѣятельности — „вѣра, какъ основа жизни“²⁾. Своихъ слушателей онъ всегда призываетъ, такъ сказать, къ

¹⁾ Стр. 41—42.

²⁾ Специальная на эту тему рѣчь—въ Новгородскомъ Знаменскомъ Соборѣ. Стр. 51—58.

дѣятельному христіанству: къ религіозному и церковному самообразованію путемъ посѣщенія церковныхъ соборѣдваній и изученія религіозной литературы, внушаетъ необходимость самоиспытанія, важное значеніе ночной молитвы; призываетъ духовенство и мірянъ къ сплоченному дѣйствованію въ борьбѣ съ невѣріемъ и сектантствомъ; къ борьбѣ съ установившимися противцерковными обычаями (посѣщенія спектаклей наканунѣ праздничныхъ дней), и, въ особенности, повсюднымъ недугомъ пьянства, грозящаго положительнымъ вырожденіемъ русскаго народа—богатыря. Свои слова и рѣчи авторъ и произноситъ главнымъ образомъ по поводу событій, имѣющихъ церковно-практическое значеніе, напр. при годичныхъ собраніяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго Братства, открытіи и освященіи Епархіальнаго Дома, имъ самимъ устроеннаго, на противо-алкогольныхъ сѣздахъ въ Москвѣ и Новгородѣ, и всюду слышится его призывной къ дѣятельности голосъ: „время намъ отъ сна востати!“...

Довольно охотно авторъ избираетъ для церковной проповѣди политическія темы—въ дни высокаторжественные и государственные юбилейные, какъ то: трехсотлѣтіе Дома Романовыхъ, освобожденіе крестьянъ, Японская война, открытіе Государственной Думы и проч. Особеннаго вниманія заслуживаютъ—на взглядъ нашъ—рѣчи, произнесенныя авторомъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи законопроектовъ о старообрядческихъ общинахъ и о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Авторъ выражаетъ въ нихъ свое отрицательное отношеніе къ общимъ законопроектамъ и начертываетъ свою теорію отношенія государства къ церкви православной и въ ея стоящимъ вѣроисповѣданіямъ, сектантамъ и иновѣрнымъ религіямъ. Свое отрицательное отношеніе къ обоимъ проектамъ онъ основываетъ, во 1-хъ, на томъ, что въ сущности они зиждутся на принципѣ отдѣленія государства отъ церкви, рѣшительно не приемлемомъ съ точки зрѣнія всего нашего національнаго уклада и, во 2-хъ, на томъ, что они стоятъ въ противорѣчій съ Высочайшимъ Манифестомъ 17 Апр. 1906 г. „Апрѣльскій Манифестъ—гов. онъ—о свободѣ совѣсти явился въ глазахъ многихъ провозвѣстникомъ конечнаго отдѣленія церкви отъ государства, какъ чисто праваго института, чуждаго всякимъ интересамъ конфессіи. Осуществленіе свободы совѣсти,

говорили многіе въ Думѣ и печати, требуетъ этого отдѣленія... и наше русское государство, по этому мнѣнію, должно вступить на путь западно - европейскаго, или такъ называемаго новаго государства. Оно, отдѣливъ себя отъ церкви подъ знаменемъ свободы совѣсти, объявило полную свободу исповѣданія каждымъ своей вѣры, полную свободу религиозной пропаганды, полную свободу для каждаго быть внѣ какой-нибудь конфессіи, словомъ — свободу атеизма“. „Но — замѣчаетъ авторъ — несмотря на то, что эти принципы даже на своей родинѣ доселѣ не проведены полностью въ государственные кодексы, и тамъ, гдѣ они проведены, какъ напр. во Франціи, это проведеніе привело къ противоположнымъ результатамъ, т. е. къ уничтоженію свободы совѣсти и къ „просвѣщенному гоненію на церковь“. Нашему Законодательству Высочайшею Властью 17 Апр. 1905 г. и 17 Окт. 1906 г. предуказана задача: сочетать свободу совѣсти съ вѣщнымъ возвеличеніемъ общей нашей матери — православной церкви. Насъ воспитали къ мысли, будто бы возможно одно при двухъ: или свобода, или церковь; съ высоты же престола предуказаны: и свобода, и церковь“¹⁾.

Ссылаясь на отечественную исторію, авторъ и доказываетъ, что это сочетаніе не только возможно, но и единственно допустимо, пока Россія — Россія. Въ чемъ состоитъ существо этого союза русскаго государства съ Православною Церковью? Существо это заключается не въ какихъ-либо внѣшнихъ преимуществахъ, предоставляемыхъ церкви государствомъ, а въ томъ, что государство почерпаетъ у церкви свои вѣковѣчные руководящія религиозно - нравственные принципы и руководствуется ими. Государство можетъ или принимать ихъ — тогда оно въ союзѣ съ церковью, или не принимать — тогда союза нѣтъ. Когда государство руководствуется въ своей вѣроисповѣдной политикѣ ученіями и указаніями церкви, то естественно оно покровительствуетъ ей, давая ей почетъ и средства для выполненія ея миссіи. Но если бы, предположимъ, у государства не было денегъ и оно не только ничего не давало Церкви, а даже брало бы у нея — это ни мало не уничтожило бы союза между ними. Если же наоборотъ, государство осыплетъ церковь золотомъ и окру-

¹⁾ Стр. 280

жить ея служителей самымъ почетнымъ положеніемъ, но будетъ дѣйствовать въ отношеніи нравственно-религіозномъ не по ея ученію и совѣту, то въ такомъ случаѣ союза нѣтъ“ 1).

„Теперь другой вопросъ: при принципѣ господствующей церкви возможна ли свобода совѣсти, возвѣщенная апрѣльскимъ указомъ? На этотъ вопросъ опять отвѣчаетъ исторія наша. Она свидѣтельствуетъ, что у насъ съ самыхъ древнихъ временъ были всѣ возможные формы религіи. Но русской землѣ, Русскому Государству, по сравненію съ Западной Европой принадлежит *первенство* въ проведеніи принципа вѣротерпимости“..... 2) „Итакъ мы видимъ, что принципъ господствующей церкви вовсе не сопровождается преслѣдованіемъ иныхъ вѣръ и нарушеніемъ свободы совѣсти. Она вытекаетъ изъ сознанія необходимости для государства единства нравственно-духовной основы и критерія въ области религіи. Такой основой является наша православная Церковь и она только одна, потому что государство можетъ вводить въ свой юридическій порядокъ только одну церковь, а не десять и не двѣ. Если бы мы въ юридическій порядокъ ввели хотя бы двѣ церкви, то это было бы равносильно тому, что у насъ нѣтъ ни одной. Государству необходимо существованіе самостоятельной нормы морали, не имъ предписанной, а самодовлѣющей: ибо только такая норма можетъ умножить его силы. Въ противномъ случаѣ государству придется стать выше этихъ церквей, быть судьей ихъ нормъ, безъ всякой пользы для цѣли своей“ 3).

Отправляясь отъ этихъ общихъ принципальныхъ положеній къ рѣшенію частнаго вопроса о старообрядческихъ общинахъ, авторъ говоритъ:

„Мы видимъ, что раскольники домогаются признанія ихъ незаконной іерархіи со стороны государства, которое должно присвоить наименованіе ихъ іерархическимъ лицамъ „священнослужителей по старообрядчеству“. Это наименованіе несомнѣнно противопоставляетъ ихъ „священнослужителямъ по православію“ или—по старообрядческой терминологіи—

1) Стр. 286.

2) Далѣе приводятся свидѣтельства. Стр. 387—390.

3) Стр. 290.

„по никоніанству“. Такимъ образомъ въ случаѣ согласія государства, оно введетъ въ свой юридическій порядокъ *два* церкви съ ихъ іерархіями—что явится оскорбленіемъ православной церкви. При томъ же, какое собственно отношеніе имѣетъ къ свободѣ совѣсти это признаніе государствомъ іерархіи старообрядческой? Развѣ достоинство іерархическихъ лицъ старообрядческой церкви отъ того возвысится, что государство, говоря языкомъ одного писателя, приложитъ „казенный штемпель“? Развѣ это имѣетъ какое либо отношеніе къ свободѣ совѣсти?“ ¹⁾

Обсуждая второй частный вопросъ — *о правѣ перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое*—авторъ говоритъ:

„При проектированіи этого закона несомнѣнно подразумѣвались три слѣдующія положенія: 1) что религія есть дѣло совершенно личное, индивидуальное, а потому отъ воли каждаго человѣка зависитъ пребывать въ данной религіи, или переходить въ другую, или же быть совершенно безъ всякой религіи, во 2-хъ, что всѣ религіи по достоинству своему въ глазахъ государства равны и потому для государства все равно, къ какой религіи будетъ принадлежать его подданный и, въ 3-хъ, что если всѣ религіи равны, если нѣтъ истинной религіи, то государство можетъ обойтись совсѣмъ безъ государственной религіи, остаться по отношенію къ религіи нейтральнымъ, равнодушнымъ, т. е. безвѣроисповѣднымъ. Но Законъ, построенный на такихъ началахъ, знаменуетъ собою отдѣленіе церкви отъ государства“.

„Вдумываясь, за тѣмъ, въ нашу вѣроисповѣдную политику, мы приходимъ къ очень печальнымъ результатамъ: мы видимъ здѣсь религіозную безпринципность, отсутствие какого либо яснаго принципа въ отношеніи государства къ православной вѣрѣ и другимъ вѣроисповѣданіямъ. Это отношеніе не освѣщается какой либо опредѣленной мыслью—отсюда накопленіе противорѣчій въ этомъ взаимоотношеніи. Ясно одно, что у насъ потускнѣло сознаніе положительнаго и отрицательнаго, истины и заблужденія въ дѣлѣ религіи. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда извѣстное вѣроученіе затрогиваетъ какіе-либо наглядные, матеріальные интересы общественной жизни, когда напр. появляется скопчество,

¹⁾ Стр. 296.

или вѣроученіе, которое отрицаетъ гражданскую или военную службу, мы понимаемъ тогда, что это вѣроученіе вредно, что ему нужно противодѣйствовать. Но мы не обращаемъ вниманія на то, проводить ли извѣстное вѣроученіе во сознание народонаселенія истину или заблужденіе, вредно или благоприятно оно отражается на умахъ и совѣсти людей. Почему? Едва ли не потому, что у насъ исчезло сознание истинности чего бы то ни было, по непониманію того, что вообще есть на свѣтѣ истина объективная, реальная, а не софистическая, заключающаяся въ измышленіи того или иного субъекта. Разъ государство имѣетъ увѣренность въ несомнѣнности истины, заключающейся въ этой именно церкви, конечно оно не можетъ безразлично относиться къ ней, оно будетъ защищать ее, употреблять всѣ средства для того, чтобы цѣли церкви осуществлялись. Вѣдь мы, напримеръ, не допускаемъ леченія знахарей и колдуновъ и въ случаѣ наибольшей терпимости подчиняемъ ихъ надзору медиковъ. Мы ни въ экономической, ни въ политической областяхъ не допускаемъ свободы, какъ единственнаго мѣрила дозволительныхъ поступковъ. Въ этихъ областяхъ государство иногда проявляетъ большую нетерпимость. Но въ отношеніи истины философской и религіозной мы стали терпимы до полного безразличія. Очевидно, мы стали плохо вѣрить въ реальное значеніе какой либо истины..... Намъ постоянно твердятъ, что законы воспитываютъ народы. Болѣе 900 лѣтъ наши законы воспитывали нашъ народъ въ православіи. Теперь хотятъ провести законъ, способствующій отпаденію отъ православія; быть можетъ я сильно сказалъ—вѣрнѣе—предоставляющій право отступленія отъ православія. Но не значить ли это отступать отъ самой народности, воспитанной въ православной вѣрѣ? Не значить ли это перевоспитывать ее въ другомъ, обратномъ, вѣрноправославномъ направленіи? Не нужно забывать того развращающаго нравственнаго впечатлѣнія, которое произведетъ этотъ законъ, ибо всякому ясно, что этотъ законопроектъ профанируетъ православную религію. Отъ этой профанации предостерегалъ и покойный предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, который въ своей рѣчи въ Государственной Думѣ указывалъ и предостерегалъ отъ этого говоря, что реформы не должны наносить ущербъ душѣ народной, объединившей

и объединяющей миллионы русских, что народ, ищущий утѣшенія въ молитвѣ, пойметъ, конечно, что за вѣру, за молитву каждаго по своему обряду законъ не караетъ, но что тотъ же народъ не уразумѣетъ закона чисто *выѣсочнаго* характера, который провозгласитъ, что православное христіанство уравнивается съ язычествомъ, еврействомъ, магометанствомъ“.

„Вотъ слова, на которыя должно быть устремлено все вниманіе законодателей..... Вотъ почему я полагаю, что настоящій законопроектъ долженъ быть отвергнутъ, потому что статья 185-я, карающая за отпаденіе отъ христіанства въ нехристіанство, отмѣнена еще 14 дек. 1906 г. и потому нѣтъ основаній издавать новый законъ, который, такъ характерно названъ закономъ выѣсочнымъ, закономъ деклараціоннымъ“¹⁾.

Къ характернымъ сторонамъ рѣчей высокопреосвященнаго оратора должно отнести ихъ стиль строгій, чистый и опредѣленный и до такой степени ясный, что не затруднителенъ для пониманія и простолюдина, хотя бы рѣчь и касалась иногда такихъ сложныхъ вопросовъ, какъ церковно-политическіе. Онъ служитъ вѣрнымъ отраженіемъ личности оратора, у котораго нѣтъ разности между словомъ и дѣломъ и который, призывая слушателей къ бодрствованію и христіанской дѣятельности, самъ живетъ въ безустанной и разнообразной дѣятельности, или выражаясь словами его книги— „на духовной страдѣ“.

Проф. Н. Заозерскій.

II.

Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Handwörterbuch in gemeinverständlicher Darstellung unter Mitwirkung von *H. Gunkel* und *O. Scheel* hsg. von *F. M. Schiele* und *L. Zscharnack*. II. Band, von Deutschmann bis Hessen. Tübingen 1910 (2194 столбца или 1097 стр. in octavo лексиконнаго формата).

На страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ мною уже было отмѣчено появленіе I-го тома новой богословской энцикло-

¹⁾ Рѣчь сказанная 4 ноября 1911 г. Стр. 304.